

Чернышев И. И.

31/10/87

Волжская коммуна
г. Куйбышев

31 OKT 1987

ВОЛЖСКАЯ КОММУНА

Творческий портрет

СОТВОРЕНИЕ ТАНЦА

...1941 год. Детский садик, куда ходит четырехлетний Игорь Чернышев, как обычно выехал на лето из Ленинграда на дачу, под Старую Руссу. Тихое мирное приволье. И вдруг — разом все перевернувшее страшное слово «война». Наши войска оставляли Старую Руссу. Игорь Александрович как сейчас помнит сначала узкую, потом становящуюся все шире и шире полосу воды между пароходом и пристанью. Отец, Александр Васильевич, перебросил Игоря через нее на паромчик, мальчика подхватили чьи-то руки, затем разбежался сам и прыгнул. Это был последний паром, которым можно было выбраться из тех мест. Потом они с отцом еще долго догоняли эшелон, эвакуировавший артистов Ленинградского Малого оперного театра, где работали отец и мать, в Чкалов, ныне Оренбург.

В детской душе, детской памяти иные события оставляют зарубки на всю жизнь. Так, война врезалась в сознание маленького ленинградца Игоря Чернышева как страшное, непоправимое бедствие. И потом, позже, он проклянет войну в своих спектаклях. Он поставит балет А. Эшпая «Помните!» с потрясающей трагической силой. Этот спектакль кричит, рыдает, предостерегает, в нем — ужас ядерной катастрофы и мольба о людском благоразумии. Здесь масса театральных находок, но не о них речь. Главное: хореография — поисковая, экспериментальная — не существует сама по себе, «вещью в себе» — она всецело подчинена теме, идее, она оплодотворена гуманистическим пафосом. Балет «Помните!» уникален, он принадлежит только куйбышевской сцене.

Но... В репертуаре Куйбышевского академического театра оперы и балета «Помните!» появляется чуть ли не раз в год, если не реже. Почему? «Некассовый» спектакль? Больно, обидно, непростительно.

Судьба балетмейстера. Казалось бы, у Игоря Александровича Чернышева она счастливая. В самом деле: первый же поставленный им номер, «Адажио» на музыку Альбини, сразу выводит его на «международную орбиту», дуэт удостоивается премии имени Донателло в Италии. Впервые довелось увидеть этот номер в Ленинграде, в программе ансамбля «Московский классический балет». Все в тот вечер было ровным и хорошим — до «Адажио». Сочиненный Чернышевым номер принадлежал другому измерению — он был талантливым. Так и остался в памяти — талантливой вершиной хорошего вечера. Показался протяженным — не длинным. Протяженным — из-за плавной текучести пластической мелодии. Она переливалась, точно блики на морской глади, оттенками чувств, настроений, переживаний героев. Двое. Разлука. Любовь. Разлука. Вечный сюжет. Чернышев прочитал его по-своему — с мягкой возвышенной печалью, с каким-то особым человеческим тактом.

А у «Ангары» счастливая судьба? По всем очевидным признакам, счастливая. Одна только география чего стоит: Игорь Александрович Чернышев ставил этот балет Андрея Эшпая в Куйбышеве, в Москве (для того же ансамбля «Московский классический балет»), в Йошкар-Оле, в Риге и в Праге.

О прошлогодней пражской постановке — особо. Пражский Национальный театр вообще весьма избирателен, приглашая постановщиков извне.

Куйбышевской «Ангаре» было отдано предпочтение перед «Ангарой» Большого театра. Постановка посвящалась 65-летию основания Коммунистической партии Чехословакии. Чехи избрали редакцию волжан из-за ее камерности.

Балет «Ангара» силен сплавом лирики и драматизма, молодой энергии и юмора, патетики и лукавства... Он создан по мотивам пьесы Арбузова «Иркутская история», но абсолютно лишен рабской иллюстративности. Наверное, высшая оценка прочтения Чернышева принадлежит Алексею Николаевичу Арбузову. Он посмотрел в 1982 году «Ангару», поставленную в Риге, и сказал балетмейстеру: «Я вообще этого не писал, но это то, что я хотел сказать».

Об «Ангаре» много писали — и у нас в стране, прежде всего — в центральной прессе (к постановкам Чернышева балетные критики вообще всегда по-особому внимательны), и в ЧССР. Вот что, в частности, отметила газета «Руде право»: «Наши танцовщики нашли в лице Чернышева хорошего учителя — исполнения ролей солистами отличаются чистой техникой и в отдельных дуэтах имеют танцевальную ценность». Это определение можно всецело отнести и к нашей балетной труппе.

И в то же самое время... Знаю, с какой болью воспринял Чернышев снятие на гастролях этого года с репертуара «Ангары» в Мурманске и «Казни Степана Разина» в Архангельске и Мурманске. По финансовым соображениям: не «шла» касса. Мне понравилось, как заведующая литературной частью Куйбышевского театра оперы и балета А. Шкляр сравнила в своей недавней статье в «Волжской коммуны» потрясение от «Казни Степана Разина» с потрясением от фильма «Покаяние». И нет тут ни преувеличения, ни задорной смелости. Явления, принадлежащие разным жанрам искусства, сопоставимы вполне по художественной крупности, огромному гражданскому темпераменту, точности историзма. «Покаяние» смотрели все — во всяком случае, многие. А «Казнь Степана Разина» в постановке Игоря Чернышева?..

Все познается в сравнении. Вот показывают по телевизору фрагменты балета «Ромео и Джульетта» Берлиоза в постановке француза Мориса Бежара. Танцуют Екатерина Максимова и Владимир Васильев. Смотришь и сравниваешь: а у нас это иначе. Не «хуже» и не «лучше», а — иначе. Ибо Чернышев поставил данное произведение абсолютно по-своему, придя к интереснейшему синтезу хора и балета. Прежде он поставил эту хореографическую поэму для Ирины Колпаковой. Вот строки из книги М. Ильичевой «Ирина Колпакова» о художественном результате данного союза: «Молодой хореограф, бросив опытную танцовщицу в область неизведанного, побудил ее превозмочь природную сдержанность, взглянуть в трагические глубины». Хочется выделить это удачное выражение: «бросив в область неизведанного». Ведь именно так поступил Чернышев и с куйбышевской труппой. Пришел к нам в театр в 1976 году главным балетмейстером и — «бросил» — в неизведанное, сразу же повел в разведку новых путей современной хореографии, соизмеряя такой поиск с неизменным обращением к классическому наследию.

Чернышев — трезвый реалист в оценке возможностей артистов. Умеет эти возможности расширить, взрастить актерские удачи. Их множество, все они принадлежат солистам среднего поколения. Это костяк труппы, ее сила, сегодняшняя сила. Но будет ведь и день завтрашний. Процесс преемственности поколений осуществлять необходимо. Между тем за последние годы в нашем театре не появилось ни новой Жизели, ни новой Одетты-Одиллии, мы не делегируем юных посланцев театра на всесоюзные конкурсы молодых артистов балета: некого послать. Можно ли винить в этом главного балетмейстера? Нет, нельзя. Существуют объективные причины, усложняющие процесс омоложения труппы. И, прежде всего, — отсутствие нашего собственного куйбышевского хореографического училища, в котором, по мнению Чернышева, давно назрела насущная потребность.

Недавно народного артиста РСФСР Игоря Александровича Чернышева избрали председателем Куйбышевского областного отделения Советского фонда культуры. Признаюсь, сначала меня это чуть удивило: да он же так занят в театре, к тому же много ездит, его приглашают ставить

в другие города СССР, в другие страны — вот скоро, в ноябре, поедет в Болгарию, ставить «Гусарскую балладу» в Стара Загора. А потом подумалось: нет, наверное, есть особая логика в том, что избран именно он, человек, имеющий возможность много ездить, видеть, сопоставлять. Ведь само понятие «культура» как бы заключает в себе потребность широчайшего обзора. И есть особый смысл в таком избрании именно человека, впитавшего с детства высокую ленинградскую культуру.

Отец был оперным певцом, мать — балериной. И хотя материнская жизненная стезя победила, любовь к опере осталась на всю жизнь. Любовь не созерцательная — деятельная. Участие Чернышева, его пластическим, смысловым находкам, образным мизансценам обязаны многие эпизоды спектаклей нашего театра «Порги и Бесс», «Макбет». Игорь Александрович мечтает о постановке на нашей оперной сцене «Пиковой дамы» и «Бориса Годунова». А почему бы и нет? Счастливая судьба — это и реализация заложенных в человеке творческих возможностей.

Если попробовать определить амплуа балетмейстера, то я бы сказала, что он — мятежный трагик. В таком трагизме нет уныния — скорее, он сочиняет оптимистические трагедии, где всегда есть катарсис. Просто Чернышев никогда не бывает благодушен. Он предупреждает людей, что любовь хрупка и нежна, и если ее не лелеять, то она гибнет. Он на своем кровном опыте знает, что такое война, и предупреждает, как страшен ее испепеляющий огонь. Он исследует исторический опыт людских смут, тему «личность и народ», она для него ничуть не менее важна, чем тема любви (хотя любовь — «песнь песней» искусства балета, искусства Чернышева в том числе).

И здесь хочется посперить с иными авторами, которые иногда поговаривают о том, что Чернышев, дескать, абсолютизирует любовь в своих созданиях, что его героям присуща излишняя откровенность в проявлении эмоций. Не знаю, у меня ни разу не возникало чувства, будто в лирических сценах хореография Чернышева переходит предел эстетического. И в зале не слышалась реакции, свидетельствующих о том, что перейден порог чувства меры. Просто, думается, в восприятии искусства балета очень сильны стереотипы. Все должно быть, как в классике, — и не иначе.

А ведь любовь в «Спящей красавице» — это не любовь в «Ангаре». Один из эпизодов «Ангары». Арбузовский разговор Валентины с погибшим мужем поднаказал решение дуэта — воспоминания героини. Традиционный для балетов прием видений, грез, наплывов здесь обретает смысл иной, нежели призрачная мечта. В воспоминании все острее: нежность, былое счастье.

У Чернышева здесь есть абсолютно необычный «анти-дуэт». Почему «анти»? Потому что партнерша приподнимает партнера и покачивает его, как ребенка, баюкает. Все не по правилам! Где это вы видели, чтобы хрупкая балерина, которую обычно восторженно носят на руках, словно букет роз, вдруг действовала сугубо атлетически! А его, атлетизма, как раз и нет, нет впечатления силовой акробатики. Здесь — боль («ах, почему не уберечь!», здесь — сила («ах, почему не заслонил!», здесь — бабье, материнское, отчаянно женское, пронзительно русское...

Нельзя наложить запрета на талантливость. Ибо талантливое, свое — нередко за пределами прыжок через логмы и нормы. Отмахнуться, не принять — проще всего. А вот если попытаться понять, взять на себя духовный труд постижения чужого поиска... Попробуйте. Может, именно здесь вас ожидает открытия. Открытия авторского балета Игоря Чернышева.

А. СОХРИНА.